

УДК 745/749

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В КОСТЮМАХ БАШКИР И НАРОДОВ СИБИРИ

Камалиева Айгуль Салаватовна, кандидат технических наук, доцент, Институт развития образования Республики Башкортостан (г. Уфа, РФ). E-mail: 456kostum@mail.ru

Происхождение характерных для традиционного башкирского костюма декоративных форм, прочно утвердившихся к началу XVIII века, в ряде случаев связано с древними пластами искусства. Этнические контакты, имевшие место в древней и средневековой истории башкир, в значительной мере повлияли на разнообразие художественных традиций народного костюма. Среди них наибольшее влияние на культуру части башкир оказали древнеюжносибирские связи с тунгусскими, самоедскими и угорскими племенами. Проведение художественных параллелей в костюмах башкир и народов Сибири имеет

историческое основание, убедительно доказанное к середине XX века рядом учёных-этнографов. Однако этнографический подход к материалу не решает в полной мере вопросов художественно-образного единства традиций, форм, композиционного построения одежды. За рамками подобного исследования остаются вопросы стилистической общности и закономерностей гармонизации одежды через конструкцию, декор и композицию. Так на примере комплекса одежд горнолесных и части лесостепных башкир и костюмов народов Сибири было выявлено принципиальное сходство в покрое и декоре некоторых видов верхней одежды, в декоративном решении и композиции нагрудников, головных уборов, накусок и других предметов.

Ключевые слова: башкиры, народный костюм, одежда, Сибирь, Башкортостан, искусство, традиции.

INTERCONNECTION OF ARTISTIC TRADITIONS IN COSTUMES OF THE BASHKIRS AND SIBERIAN PEOPLES

Kamaliyeva Aygul Salavatovna, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation). E-mail: 456kostum@mail.ru

The article represents comparative analysis of artistic traditions of costumes of the Bashkirs and Siberian peoples. Historical science proved the existence of elements of the ancient South Siberian layer characteristic for culture of the Tungus, Samoyedic, Ugric Peoples of Siberia in Bashkir garment complex. However, ethnographic approach to the material does not fully solve the problems of artistic and imaginative unity of traditions, forms, compositional structure of garments. At the same time, the performed analysis shows that a close interconnection with the “Siberian” culture is traced in the peculiarities of stylistic solutions, in the constructive base, semantics of certain objects constituting the originality and artistic expression of the Bashkir costume. It is also important that the aforesaid interconnection is expressed not only in certain details or objects, but has a more fundamental base in indicating its formation in common historical and cultural environment. It is mainly expressed in the similarity of decorative forms of certain costume elements, such as for instance, headpiece plait adornments, breast plates, footwear and overclothes. The resemblance of artistic design of garments of ethnoses under consideration is also based on the use of materials similar in plastic and decorative properties: beads, leather, felt, cloth, metal pendants. However, the elucidation of evident kinship in costume traditions of Bashkir and Siberian peoples is essential not so much in certain details as in more fundamental principles which originated and developed in common historical and cultural environment. The similarity of regularities in the organization of artistic form of costumes under analysis enables us to conduct further investigations so as to find the roots and origins of artistic traditions of Bashkir garments, applying directly to the history and culture of the peoples of the North.

Keywords: Bashkirs, folk costumes, clothing, Siberia, Bashkortostan, art, history.

Искусство башкир – это многогранное явление художественного творчества, в каждом виде которого отчётливо проступают следы тех далёких исторических событий и эпох, определивших в своё время судьбу народа. Глубокая древность многих орнаментальных композиций, составляющих художественную образность и уникальность изображений на предметах декоративно-прикладного творчества, в том числе одежде башкир, доказывается при сближении их с материалами археологических памятников, открытых современной наукой на территории Южного Урала. Подобные опыты сравнительного анализа,

принадлежащие таким учёным, как Р. Б. Ахмеров, М. Ф. Обыденнов, К. И. Корепанов, Г. Х. Казбулатова и другие, позволили вычлениить вполне конкретные художественные признаки, возникшие в различные исторические эпохи. Обращаясь непосредственно к народной одежде башкир, следует отметить, что подобной информативностью обладает не только орнамент или декоративная композиция, но вся структура костюма, включая покрой, отделку, материал и всевозможные дополнения.

Поскольку формирование башкирской одежды происходило одновременно с этногенезом, то важным при художественном анализе костю-

ма представляется определение его различных компонентов и их роли в развитии костюмных комплексов. Этим вопросом долгое время занимался научный коллектив Института истории, языка и литературы УНЦ РАН под руководством С. Н. Шитовой. Во второй половине XX века – времени «исчезающей старины» и окончательно угасания естественных условий производства народного костюма – учёному удалось провести масштабное исследование, позволившее внести ясность в проблему формирования устойчивых комплексов башкирской одежды, а именно картографирование видов одежды. Составленные в ходе научных экспедиций (1958–1966) карты распространения верхней, нательной, безрукавной одежды, головных уборов, украшений и обуви легли в основу территориального разграничения семи костюмных комплексов, объединённых по ряду признаков. Помимо результатов полевых экспедиций, принципиальными предпосылками к выделению комплексов стали многочисленные труды исследователей XVIII – начала – середины XX века, правда, большинство из которых, за исключением работ С. И. Руденко, характеризуются косвенным обращением к одежде как исключительно материальному предмету – части этнографии народа. Расширяя проблематику сложения традиционного костюма и осмысливая его как серьёзный источник для исследования этногенеза, специфики этнического, культурного, хозяйственного и общественного развития народа, С. Н. Шитова осуществляет историко-сравнительный анализ материальной культуры башкир с культурой народов и племён, принявших непосредственное участие в её сложении. Итогом работы стало выделение в комплексе башкирской одежды шести пластов, наиболее древним из которых признан древнеюжносибирский [19, с. 149–155].

Действительно, внушительная часть предметов башкирского костюма имеет очевидную стилистическую и семантическую близость с культурой народов Сибири – тунгусскими, самодийскими и угорскими [4, с. 15]. Однако выделить хронологические рамки в истории зарождения подобных элементов башкирской одежды весьма затруднительно, так как присутствие «сибирского компонента» в культуре Южного Урала не было эпизодическим, напротив оно было непрерывным, начиная с древности (данный вопрос бы частично освещён в статье «Историческая обусловленность

традиций башкирских костюмных комплексов» [10, с. 33–39]). Вероятно, длительность историко-культурных и этнических взаимоотношений между древними племенами охотников и номадов Южного Урала и Сибири стала одним из условий сохранности архаичных элементов на современной одежде горнолесных и лесостепных башкир.

Среди подобных предметов в башкирском костюме в первую очередь следует отметить особенности кроя и декоративного решения верхней одежды – еляна, распашного расклешённого книту, длинного халата (рис. 1).

Конструктивная основа еляна представляет собой сочетание довольно простых по форме, лаконичных деталей, приближенных к геометрическим фигурам – трапеции, треугольника, прямоугольника. Такова была основа «прямоспинной меховой и суконной одежды» древнетюркского пласта, из которой как полагают учёные, развился елян [19, с. 150]. Благодаря пластичным свойствам материалов, преимущественно плотных хлопчатобумажных тканей фабричного производства, елян плотно облегал фигуру в верхней части, создавая мягкие формы в области плеча, груди и талии и ложился ровными фалдами в нижней. Верхняя одежда, впрочем, как и нательная, у башкир кроилась очень широкой. О длинной одежде как «отличительном признаке тюркских племен» [15, с. 52] говорил Д. П. Никольский, ему же принадлежат слова об отсутствии любого «стягивая талии» у башкир. На «полное отсутствие каких-либо намеков на талию» [1, с. 233] указывал В. А. Арнольдов, таким образом подчеркивая одну из главных черт силуэтной формы костюма. Однако при всей просторности кроя рукава еляна изготавливались узкими, видимо для защиты запястий рук от холодных ветров во время езды на лошади (горизонтальное положение рук при управлении уздечкой). Наибольшее сходство в крое верхних одежд прослеживается между еляном юго-западных (дёмских) башкир и одеждой эвенков (тунгусские народы) У «енисейских, охотских и вилюйских эвенков» [7, с. 230] одежда кроилась из цельной шкуры, а на спинке от линии талии вниз пришивали два треугольных или трапециевидных клина (рис. 2).

Таким же приёмом добивались нужного объёма по спинке и башкирские мастерицы, пришивая трапециевидный клин в подрез, одна сторона которого образовывала боковой срез спинки (рис. 3).

Внешняя схожесть проявляется также в оригинальном декоративном элементе, называемом в башкирском костюме – бойорлок, что в переводе означает «почки» (в этнографической литературе их принято называть ложными карманами). В башкирском варианте это полоса позумента примерно 10–15 см, обрамлённая снизу и сверху монетами, бисерной бахромой, шумящими подвесками, цепочками и др. Помимо декоративности бойорок придавал шву соединения спинки с клином дополнительную защиту от разрыва, также как и в эвенкийской одежде, подобный декоративный элемент усиливал прочность соединения кожи в наиболее растяжимом месте спинки. Подобный элемент присутствует в женском пальто эвенков – найми, из подкрашенной замши (рис. 4).

Кроме того, продолжая рассмотрение особенностей кроя башкирской верхней одежды из сукна, меха и фабричных тканей, следует отдельно отметить то, что преимущественно в горнолесной и отчасти лесостепной зоне Башкортостана елян кроился с прямой неразрезной спинкой и с боковыми клиньями. Подобный способ формообразования меховой одежды характерен «для самодийских народов (хантов, манси, ненцев), некоторых тюркских народов Западной Сибири (например, томских татар), а также населения Северного Алтая (северных алтайцев, кумандинцев, шорцев)» [20, с. 51].

В декоративной композиции башкирских елянов, созданной из всевозможных комбинаций и фигур из монет, чеканок, бисера разноцветного и кораллового, цветных нитей, бусинок и даже пуговиц, прослеживается отчётливая связь в манере украшения с культурой самодийских народов. Поистине ярким пятном на тёмном фоне еляна являлась нашивка из разноцветных полос ткани, чередующихся с позолотой или серебром позументной тесьмы. Обрамляя все внешние края одежды, включая нижние срезы рукавов, нашивка придавала одежде статичность и монументальность. Расклеванная форма нижней части еляна удерживала силуэт за счёт плотной ткани верха, усиленной подкладкой одежды и широкой нашивкой, крепко фиксирующей приданную одежде форму. Ширина нашивки на рукавах в праздничных елянах могла достигать до 20–25 см и состоять из 10–12 полос различных тканей. Обращает на себя внимание старинный способ чередования красных, желтых и зелёных полос ткани позументной тесьмой. Подобием украшений в ненец-

кой малице является нашивка из полос сукна тех же цветов. В насыщенной гамме нашивки, имеющей строгое чередование, ненцы видели олицетворение радуги, украшавшей «подол владыки вселенной Нума» [4, с. 20]. К небесной символике также приводит прочтение декоративной нашивки сквозь призму поверий тунгусских народов, в частности нанайцев, которые верили, что небо «состоит из трёх “слоёв” – медного, серебряного и золотого» [18, с. 10].

Внимательно рассматривая рисунок позументной тесьмы на башкирском еляне, проступающий на поверхности из металлизированных нитей, можно заметить отчётливый геометрический узор из косых линий, уступов, трапеций и треугольников. Бесконечное движение диагоналей и зигзагов в замкнутой широкой полосе нашивки создавало многослойную рельефную, изысканную текстуру, удачно сочетаемую с гладкой поверхностью разноцветных полос ткани. Подобная геометричность, но в более ярких контрастных тонах характерна для декора одежды угорских народов Сибири. Особо показательны женские шубы северных хантов и манси, которые издревле предпочитали украшать края вещи узорами, «выполненными мозаикой из меха двух цветов и полосками из цветного сукна, вшитыми в швы вдоль узора и по его контуру» [7, с. 228]. Собственно в этом сочетании материалов с различной фактурой и цветовой гаммой, объединённых в едином декоративном элементе, заключается определённое стилистическое сходство в рассматриваемых костюмах.

Несомненное родство в предметности «сибирских» и башкирских костюмов проявляется в широком применении больших нагрудников, полностью закрывающих верхнюю часть тела. Бытование у башкир нагрудников имеет длительную историю, начало которой датируется, по крайней мере, эпохой бронзы (II – начало I тыс. до н. э.). Об этом свидетельствуют находки в памятниках синташтинской культуры [6, с. 66], признанные учёными как прототипы современных женских нагрудников [13, с. 49]. Первые известные науке подобные украшения изготавливались на меховой основе, точнее из толстой кожи, на которую прикреплялись серебряные пластины и пронизки (рис. 5.1).

Башкирские женские нагрудники, существующие в настоящее время, отличаются большим

разнообразием вариантов форм и способов заполнения поверхности декором, что очередной раз указывает на длительность исторического развития предмета. Основу нагрудников традиционно составляли из нескольких слоёв плотной ткани, с обязательным красным фоном с лицевой стороны. Мастерство женщин, обладавших чувством декоративного ансамбля, проявлялось в умении играть материалом, создавать выразительный по своей простоте и аскетической строгости всевозможный рельеф и фактуру украшения. Коралловый бисер в верхней части нагрудника мастера выкладывали в плотные ряды, образующие ровную поверхность из волнообразных или прямых линий, нижнюю часть, напротив, декорировали ажурной сеткой из того же бисера. Классическое сочетание ярко красного с серебром монет продиктовано замыслом мастеров – орнаментально выделить три уровня, средний из которых, выполненный из нескольких рядов металлического декора, значительно отличался по пластике, цвету и масштабности. Нижнюю часть башкирских нагрудников почти всегда отличала особая подвижность, подчёркнутая бисерной бахромой, подвесками и звоном, издаваемым монетами (рис. 5.2).

В художественных приёмах и форме башкирским украшениям близки нагрудники тунгусских народов Сибири – эвенков и эвенов. Принципиальное значение имеет общий подход к членению поверхности украшения на две или три части. Однако в отличие от башкирских нагрудников в эвенкийском обрамлении и создании внутренних полей осуществляется разноцветными полосками ткани и бисером. Радужная палитра красок, характерная для окантовки, подчёркивала красоту геометрии в нагруднике, выраженную в ровных полосках каймы и правильных формах внутренних полей (рис. 5.3). Ритмичность полос разбавлялась бисерными линиями из разноцветных бусин, например, сочетания черного, синего, бежевого, а также бордюров из голубого, белого, синего, бежевого и другого бисера разной величины [5, с. 26]. Примечательно, что нижний край нагрудника эвенков практически всегда создавался подвижным за счёт бахромы из козьего волоса [5, с. 27] или из ровдужной основы, украшенной металлическими подвесками и колокольчиками [12, с. 105].

Целый ряд башкирских украшений для волос также обнаруживает поразительное сходство с сибирскими. Одинаково традиционным для них

было вплетать в волосы девушек различные наконечники, косоплётки и подвески. Видимо в древности манипуляции с волосами имели магическое значение, по крайней мере, на это указывают некоторые ритуалы в свадебной церемонии. Обряд одевания невесты у южных алтайцев сопровождался причёсыванием девушки двумя родственницами: со стороны и невесты, и жениха. Причём первая (родня девушки) заплетала косу с правой стороны со словами «Я даю её», а вторая – с левой стороны со словами «Я беру её» [17, с. 22]. Коса у тувинских девушек являлась своеобразным маркером достижения половой зрелости: её заплетали только по достижении определённого возраста. Информационным элементом можно назвать затылочное украшение – «тыуыр’ан» у кетов (Западная Сибирь), которое вплеталось в волосы невесты в день свадьбы. Традиционно он украшался орнаментом, символизирующим «принадлежность к той или иной семье». Более сложные действия с украшениями для волос осуществляли нганасаны после приезда родителей жениха в чум невесты. Во время встречи невесты и жениха происходил обмен украшениями кубын: первоначально невеста расплетала свои волосы и снимала металлическое украшение, затем это же проделывала с косами жениха, вынимая подобное украшение. Обменяв украшения, она вновь заплетала косы себе и жениху. Ритуал завершался участием родителей, которые также обоим расплетали косы, вынимая все украшения, и вплетали их – кубын жениха и невесты, уже только в волосы девушки [17, с. 46–47].

Башкирским девушкам до определённого возраста позволялось присутствовать в обществе с непокрытой головой. По мере взросления девушки заплетали свои волосы в одну косу, украшая её *елкэлек* – декоративным элементом, представляющим собой «продолговатый,верху закрученный лоскут материи (нередко бархат) на толстой подкладке, величиной в ладонь или немного больше, сплошь зашитый кораллами или разноцветным бисером, обыкновенно с крупным агатом (акык) посередине или сверху» [16, с. 162]. В основании кос девушки юго-восточных, инзерских и части самарских (бассейна р. Самары) районов вплетали затылочное украшение *елкэлек*, изготовляемое на тканевой или кожаной основе и орнаментированное бисером, пуговицами и монетами [11, с. 192–193].

Рисунок 1. Башкирский женский елян [14, с. 79]

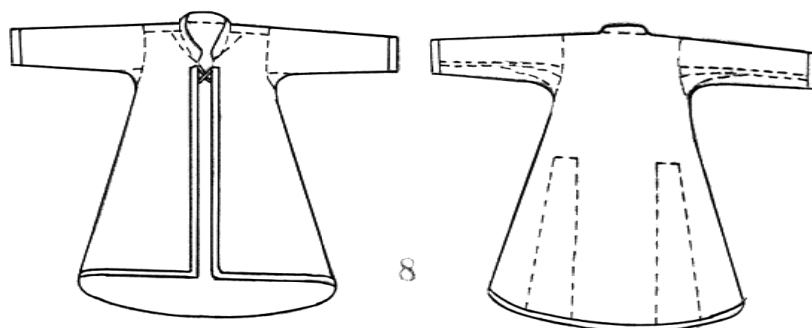

Рисунок 2. Крой верхней одежды (II тип) восточносибирский (распространён в мужской и женской одежде эвенов и юкагиров, у ороков и орочей, а также у эвенков Подкаменной и Нижней Тунгусок и у илимпийских эвенков) [7, с. 237, 307]

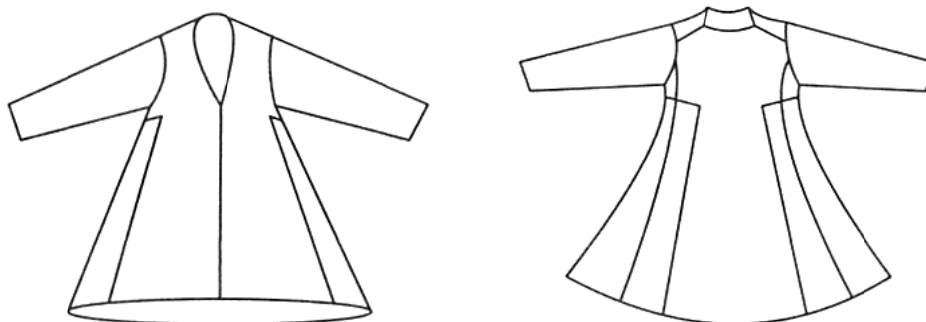

Рисунок 3. Крой башкирского женского ельяна в юго-западном комплексе (по спинке два трапецевидных клена) [9, с. 34]

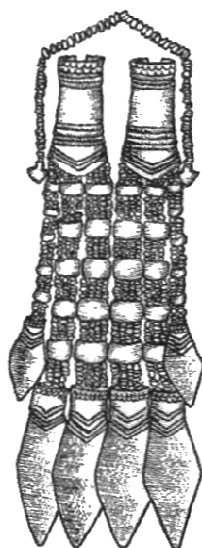

1

2

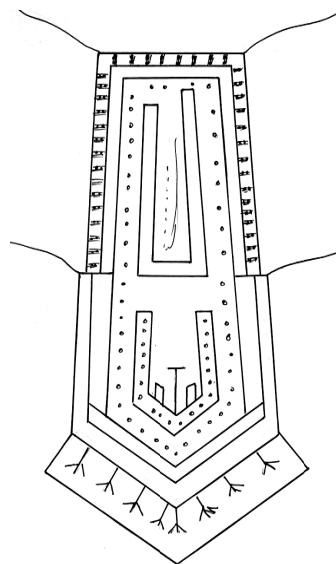
Рисунок 4. Верхняя одежда: 1) башкирский женский елян [9, с. 110];
2) найми – женское пальто (эвены) [3, с. 22]

1

2

3

Рисунок 5. Нагрудники: 1) нагрудник эпохи бронзы из серебряных пластин, бисера, стеклянных бус (Синташинская культура) [13, с. 47]; 2) башкирский женский нагрудник XIX века [2, с. 34]; 3) эвенкийский передник [5, с. 23]

Рисунок на затылочных украшениях часто изображал личину: два камня бирюзы символизировали глаза, красный сердолик рот. Подобный *елкэлек* связан с культурой народов Западной Сибири и Алтая. В семантике масок аборигенов Сибири присутствуют древние представления народа о мистической силе глаз, которые после смерти человека «вслед за дыханием отправляются на землю мёртвых». Чтобы умерший соплеменник имел возможность видеть в потустороннем мире нганасаны, ханты, самагиры, изготавливали погребальную маску, которую и клали на лицо покойника. Кстати, существование подобных масок в культуре башкир IX–X веков Южного Урала зафиксировано археологическими находками. Серебряные пластины – наглазницы, закрывающие глаза умерших, были найдены в ряду женских украшений: наконечников с шумящими подвесками, ожерелий из бусин, серёг, нагрудных подвесок и браслетов [13, с. 221].

Другими дополнениями к костюму девушек являлись сэсмау и аркалык, длинные, вытянутой формы, украшенные монетами или бусинами. Сэсмау собирали из нескольких низок разноцветных бусин, прикрепляя между собой поперечиной в виде плоской пластины. Аркалык изготавливали из длинной полосы ткани, нашивая на них два ряда монет, камень в оправе в самом верху украшения и по две крупные подвески снизу. Замужние женщины, в отличие от свободных девушек и также как представительницы многих народов Сибири заплетали две косы, обязательно украшая их на концах фигурными подвесками, изготовленными традиционно из серебра, коралла или сердолика. Часто вместо подвесок молодые хозяйки вплетали в волосы ключи, но это явление более позднего времени.

Наряду с верхней одеждой, нагрудниками, головными уборами и украшениями, родство в конструкции, внешнем облике и функциональности обнаруживает обувь башкир, в частности мягкие сарыки из кожаного низа и суконных голенищ. В заснеженных районах республики большое значение имела высокая и просторная обувь из теплых материалов. Являясь достижением преимущественно охотничьих племён, сибирские «чарыки» с суконным верхом (аналоги башкирских сарыков) были распространены в Северном Алтае, среди хакасов, хантов, кетов, селькупов

[20, с. 59]. Эту тему мы достаточно подробно освещали ранее в статье «Аппликационный орнамент башкирской обуви в контексте древней мифологии» [8, с. 92–99].

Завершая сравнительный анализ башкирской одежды и костюмов народов Сибири, выделим главные черты, определяющие очевидное сходство между ними. В первую очередь они проявляются в комплектности подобных одежд. И в башкирском, и в «сибирском» костюмах это, прежде всего, верхняя одежда, нагрудники, некоторые головные уборы, украшения для волос и обувь типа сарыки или кыйырак, которые составляли целостный комплект, стилистически объединённый в гармоничный ансамбль. Существенная разница заключается в том, что сибирские черты в башкирской одежде больше всего сохранились в женской одежде, особенно в декоративном оформлении, тогда как мужская претерпела за последние столетия значительные изменения, утратив свою архаичность. Показательным в этом смысле является башкирский нагрудник, который в настоящее время принадлежит к женской одежде и полностью отсутствует в мужском костюме. Вместе с тем в костюме народов Сибири меховой нагрудник как повседневная одежда имеет большое распространение среди мужского населения. Очевидное сходство прослеживается в декоре и композиционном решении верхней одежды, нагрудников и украшений рассматриваемых народов. Многие из них связаны семантически, что свидетельствует о развитии их в единой историко-культурной среде, в эпоху сложения мифологических представлений народов. И, несмотря на некоторые различия в материале украшений (у башкир это разноцветная ткань, коралловый бисер, серебряные монеты, у народов Сибири – крашенная кожа, ровдуга, мех, разноцветный бисер, металлические подвески) композиционное построение орнамента на одежде обнаруживают поразительное сходство в художественных приёмах выражения главных идей о строении Вселенной, небесных тел и светилах. Таким образом, родство между одеждой горнолесных и части лесостепных башкир и одеждой народов Сибири проявляется не столько в отдельных деталях, сколько в фундаментальных категориях, определяющих основу их самобытности и уникальности, таких как виды и форма одежд, крой, принципы построения декоративной композиции.

Литература

1. Арнольдов В. А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Дневник о-ва врачей при Император. Казан. ун-те. – Казань, 1894. – С. 227–244.
2. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / сост. Н. Г. Рутто. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН: Информреклама, 2006. – 92 с.
3. Бокова Е. Н. Одежда эвенов. – Якутск: Бичик, 2011. – 64 с.
4. Васильев В. И., Шитова С. Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенезиса башкир) // Вопр. этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982. – С. 18–40.
5. Иванов В. Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири: по мат-лам традиц. декоратив.-приклад. искусства. – Новосибирск: Наука, 2001. – 158 с.
6. Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. – М.; Уфа: Дизайн. Информация. Картография, 2007. – 696 с.
7. Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Академия наук СССР. – 1961. – 497 с.
8. Камалиева А. С. Аппликационный орнамент башкирской обуви в контексте древней мифологии // Вестн. ВЭГУ. – 2014. – № 3. – С. 92–99.
9. Камалиева А. С. Башкирский костюм. Технология. Конструкция. Декор. – Уфа: Китап, 2012. – 216 с.
10. Камалиева А. С. Историческая обусловленность традиций башкирских костюмных комплексов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2014. – № 4(60). – Вып. 1. – С. 33–38.
11. Камалиева А. С. Особенности художественного стиля башкирских женских украшений // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 187–195.
12. Кочешков Н. В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР (XVIII–XX века). – Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1989. – 196 с.
13. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа: Китап, 2009. – 496 с.
14. Народное искусство башкир: альбом. – Л.: Совет. художник, 1968. – 110 с.
15. Никольский Д. П. Башкиры: этногр. и санитар.-антропол. исслед. – М.; Л., 1899. – 347 с.
16. Руденко С. И. Башкиры: ист.-этногр. очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.
17. Семейная обрядность народов Сибири: Опыт изучения. – М.: Наука, 1980. – 102 с.
18. Смоляк А. В. Шамаи: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). – М.: Наука, 1991. – 280 с.
19. Шитова С. Н. Формирование и развитие башкирского народного костюма: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1968. – 259 с.
20. Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. – Уфа, 1976. – С. 49–94.

References

1. Arnol'dov V.A. Sanitarno-bytovoy ocherk zhizni bashkir yugo-vostochnoy chasti Sterlitamakskogo uyezda Ufimskoy gubernii [Sanitary sketch of the life of the Bashkirs South-Eastern part of Sterlitamak uyezd, Ufa province]. *Dnevnik obshchestva vrachey pri Imperatorskom Kazanskom universitete [The journal of the society of physicians of the Imperial Kazan University]*. Kazan, 1894, pp. 227-244. (In Russ.).
2. *Bashkirskie nagrudnye ukrasheniya iz korallov i monet [Bashkir chest jewelry coral and coins]*. Ed. N.G. Rutto. Ufa, TsEI UNTs RAN, Informreklama Publ., 2006. 92 p. (In Russ.).
3. Bokova E.N. *Odezhda evenov [Clothing evens]*. Yakutsk, Bichik Publ., 2011. 64 p. (In Russ.).
4. Vasil'ev V.I., Shitova S.N. Bashkiro-samodiyskie vzaimosvyazi (k probleme etnogenezisa bashkir) [Bashkir-Samoyed Association (to the problem of our Bashkirs)]. *Voprosy etnicheskoy istorii Yuzhnogo Urala [Questions of ethnic history of the southern Urals]*. Ufa, 1982, pp. 18-40. (In Russ.).
5. Ivanov V.Kh. *Etnokul'turnye vzaimosvyazi i vzaimovliyaniya u narodov Severo-Vostoka Sibiri: (Po materialam traditsionnogo dekorativno-prikladnogo iskusstva) [Ethnic and cultural interrelations and mutual influence among the peoples of northeastern Siberia (On materials of traditional decorative-applied art)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001. 158 p. (In Russ.).
6. *Istoriko-kul'turnyy entsiklopedicheskiy atlas Respubliki Bashkortostan [Historical and cultural encyclopedic Atlas of the Republic of Bashkortostan]*. Moscow, Ufa, Dizayn. Informatsiya. Kartografiya Publ., 2007. 696 p. (In Russ.).
7. *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri [Historical and ethnographic Atlas of Siberia]*. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1961. 497 p. (In Russ.).

8. Kamaliev A.S. Applikatsionnyy ornament bashkirskoy obuvi v kontekste drevney mifologii [Bashkir ornament appliqué shoes in the context of ancient mythology]. *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarnoy akademii [Bulletin of the Eastern Economics and Law Humanities Academy]*, 2014, no. 3 (71), pp. 93-99. (In Russ.).
9. Kamaliev A.S. *Bashkirskiy kostyum. Tekhnologiya. Konstruktsiya. Dekor [Bashkir suit. Technology. Design. Decor]*, Ufa, Kitap Publ., 2012. 216 p. (In Russ.).
10. Kamaliev A.S. Istoricheskaya obuslovlennost' traditsiy bashkirskikh kostyumnykh kompleksov [Historical conditions for Bashkir costume complexes traditions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2014, no. 4 (60), vol. 1, pp. 33-38. (In Russ.).
11. Kamaliev A.S. Osobennosti khudozhestvennogo stilya bashkirskikh zhenskikh ukrasheniy [Art style peculiarities of Bashkir women's adornments]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 32, pp. 187-195. (In Russ.).
12. Kocheshkov N.V. *Etnicheskie traditsii v dekorativnom iskusstve narodov Kraynego Severo-Vostoka SSSR (XVIII–XX veka) [Ethnic traditions in the decorative art of the peoples of the Extreme North-East of the USSR (XVIII–XX centuries)]*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1989. 196 p. (In Russ.).
13. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. *Istoriya Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekov'e [The History of Bashkortostan. Antiquity. The middle ages]*. Ufa, Kitap Publ., 2009. 496 p. (In Russ.).
14. *Narodnoe iskusstvo bashkir: Al'bom [Folk art Bashkirs]*. Leningrad, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1968. 109 p. (In Russ.).
15. Nikol'skiy D.P. *Bashkiry: Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie [The Bashkirs: Ethnographic and sanitary-anthropological study]*. St. Petersburg, 1899. 347 p. (In Russ.).
16. Rudenko S.I. *Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays]*. Ufa, Kitap Publ., 2006. 376 p. (In Russ.).
17. *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri: Opyt izucheniya [Family rituals of the peoples of Siberia: Experience of learning]*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 102 p. (In Russ.).
18. Smolyak A.V. *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie: (Narody Nizhnego Amura) [Shaman: personality, functions, worldview: (Lower Amur Peoples)]*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 280 p. (In Russ.).
19. Shitova S.N. *Formirovanie i razvitie bashkirskogo narodnogo kostyuma. Diss. kand. ist. nauk [The formation and development of the Bashkir national costume. Diss. PhD in hist. sci.]*. Moscow, 1968. 259 p. (In Russ.).
20. Shitova S.N. Sibirskie taezhnye cherty v material'noy kul'ture i khozyaystve bashkir [Siberian taiga traits in the material culture and economy of the Bashkirs]. *Etnografiya Bashkirii [Ethnography of Bashkiria]*. Ufa, 1976, pp. 49-94. (In Russ.).